

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

По поводу московских событий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2148915

Аннотация

«Революцию у нас делали так: 6 декабря господин Дубасов заявил москвичам с балкона генерал-губернаторского дворца, что он прибыл в Москву нарочито для укрепления самодержавия и что при нём «крамола не посмеет поднять голову»...»

Максим Горький

По поводу МОСКОВСКИХ СОБЫТИЙ

1

Революцию у нас делали так: 6 декабря господин Дубасов заявил москвичам с балкона генерал-губернаторского дворца, что он прибыл в Москву нарочито для укрепления самодержавия и что при нём «крамола не посмеет поднять голову».

Изложив столь кратко и остроумно свою программу спасения Москвы от когтей крамолы, сей государственный муж тотчас же приступил к нарушению манифеста 17 октября и полному искоренению всего, к чему московский обыватель уже успел привыкнуть, несмотря на краткий срок пользования «свободами», их внутреннюю хилость и внешнюю беззащитность.

Драгуны и жандармы начали ревностно разгонять с улиц гуляющую публику, а обыватель стал сердиться. Многие думают, что баррикады начали строить революционеры; это, конечно, очень лестно, но не вполне справедливо – баррикады начал строить именно обыватель, человек внепартийный, и в этом соль события. Первые баррикады на Тверской

¹ Статья написана автором до событий на Пресне – прим. Ред.

строились весело, шутя, со смехом, в этой весёлой работе принимали участие самые разнообразные люди, от солидного барина в дорогом пальто до кухарки и дворника, недавнего «оплота твёрдой власти». Баррикады строила типичная «гуляющая публика», и, глядя на неё, можно было с уверенностью сказать, что она не отдаёт себе ясного отчёта в своём деянии, она была возбуждена скотской грубостью драгун, глупой заносчивостью жандармов и полиции, и, создавая на улице препятствия для лошадей храброй конницы, она хотела позлить её – не больше. Если с этого момента обывателя следует наименовать революционером, Россия должна благодарить за такую метаморфозу государственный такт сухопутного адмирала. Поначалу события имели характер добродушный – всякий серьёзный человек не может не понять, что московский обыватель, созидающий баррикады, – это есть нечто юмористическое, но мудростью московской власти в лице господина Дубасова оперетта немедленно была превращена в трагедию, истинное значение которой никто не в состоянии теперь же оценить правильно, – так оно глубоко и огромно.

Драгуны дали залп по баррикаде – несколько человек ранено, двое или трое убиты – вопль возмущения, единодушный крик мести, и сразу всё изменилось. За последнее время мы все много пережили, самооценка русского человека несколько повысилась, – с этим нужно считаться, – и теперь он уже не так охотно, как прежде, позволяет себя бить и рас-

стреливать. После залпа обыватель начал возводить баррикады не играючи, а серьёзно, желая оградить свою жизнь от господина Дубасова и его драгун. С этого же момента в дело вступают боевые дружины, но их численность была далеко не так велика, как об этом писали. Разделившись на группы в пять-десять человек, более и менее, они вступили в перестрелку с драгунами и, само собою разумеется, не могли одновременно и стрелять и строить баррикады. Обыватель защищал их от пуль, они его от шашек и нагаек, и это-то своеобразное сотрудничество, вероятно, не будет отрицать господин Дубасов, как невозможно отрицать частых случаев бегства драгун от огня дружинников. Надо думать, московским властям известно, что в ответ на их распоряжение закрывать ворота домов обыватели-домовладельцы тотчас же отдали ворота для устройства баррикад.

Господин Дубасов немедленно двинул в дело артиллерию. Мера решительная, но почему она необходима? В городе, где сосредоточен целый корпус гренадёр, несколько сотен казаков и много войск специальных родов оружия, можно бы не сразу действовать шрапнелью. Но что было, то было. Кровь, так обильно и бессмысленно пролитую господином Дубасовым, не сотрут никакие объяснения. Его поведение – поведение человека безумного или же доведённого страхом до отчаяния. Он, например, отдал распоряжение стрелять в санитаров – вероятно, международный «Красный Крест» обратит внимание на это варварство и оценит его как следует.

На предложение известного капиталиста Зимина открыть у себя в доме перевязочный пункт господин Дубасов ответил угрозой разнести дом Зимина до основания. Такое зверство едва ли характеризует адмирала как нормального человека.

Внешняя война с революционерами – ещё вчера мирными жителями, жадно ожидавшими какого-либо «порядка», – происходила так: из манежа, где помещался штаб правительственных войск, выезжала такая процессия: впереди, рассыпным строем, сводная полурота от различных полков – очевидно, для того, чтобы солдаты не были знакомы друг с другом и не обнаружили какой-либо преступной солидарности. За этой полуротой, гуськом по одному, драгуны, за ними батарея артиллерии, снова драгуны как прикрытие и, наконец, пожарная команда.

Выезжая на площадь вблизи забаррикадированных улиц, солдаты громко кричат:

– Эй, расходишь! Стрелять будем!

Публика, иногда молча, иногда со свистом и нелестными криками по адресу воинов, но всегда одинаково медленно и неохотно, расходится. Если она слишком медлит – солдаты стреляют. Особенной охоты попадать в людей они, как мне казалось, не обнаруживали. Разогнав публику, начинали стрелять с площади вдоль улиц по баррикадам. Разрушив одну, разрушали другую. Дружинники, конечно, не защищали баррикад, – было бы смешно идти против пушек с револьверами. И эта пальба по пустым баррикадам продолжалась це-

лые дни до поздней ночи. Ездят по городу печальные, молчаливые, серые отряды и, осыпая улицы свинцом, убивают издали мирных зрителей этой удивительной по нелепости и жестокости бойни... С домов сыплется штукатурка, в окнах лопаются стёкла, падают карнизы, трещат стены. Обыватель погибал десятками и сотнями, но, когда утомлённые и голодные воины уходили на ночь в манеж, – москвичи снова строили баррикады. Поутру всё начиналось сначала: бухали пушки, падали люди, разрушались дома, и всё росла ненависть...

Пока своей мудрой деятельностью господин Дубасов доказал одно – возможность у нас вооружённого восстания, в чём многие сомневались.

А затем этот мудрый стратег как нельзя лучше, быстро и глубоко революционизировал московских буржуа.